

Нельзя поддаваться гневу, молча напомнил себе Лин Син. Ярость лишь лишит его разума и позволит другим вести его за нос. Сделав два глубоких вдоха, Лин Син немного успокоился и пристально посмотрел на Фан Сюся.

— Хорошо, — медленно сказал он. — Ты сама признаёшь, что я потерял сознание? Тогда, может, расскажешь, из-за чего я лишился чувств? Ладно, допустим, ты отрицаешь историю с Сяо У. Тогда поговорим обо мне. Умышленное причинение вреда. Покушение на убийство. Интересно, какое из этих обвинений твой сын выдержит?

— Кто видел, чтобы мой сын на тебя руку поднял?! — взвизгнула Фан Сюся.

Подумаешь, толкнул разок, с чего вдруг сразу «вред» да ещё «убийство»? Одни только названия преступлений, слетающие с языка Лин Сина, уже заставляли её сердце тревожно сжиматься.

Лин Син же будто вовсе не замечал её ярости. Его голос оставался ровным и холодным:

— Ты правда думаешь, что если здесь все заранее сговорятся, то смогут обмануть ямен? Ты вообще знаешь, как там ведут допросы?

Он сделал паузу, глядя ей прямо в глаза, и продолжил:

— Доски с гвоздями, зажимы для пальцев, каленое железо, верёвка на шею - душат так, чтобы человек задыхался, но не умирал... Что из этого не заставит заговорить? Взрослый, может, и выдержит. А вот те несколько мальчишек - ты уверена, что они смогут?

Лин Син привёл несколько примеров, и лицо Фан Сюся мгновенно побелело. Она прекрасно знала, что в ямене хватает тёмных приёмов: стоит нормальному человеку туда попасть, если не умрёт, то точно лишится половины шкуры.

Не успела она и рта раскрыть, как вдруг раздался визг её никчемного племянника:

— Я видел, как третий двоюродный брат бил его! Только не вбивайте мне гвозди в мясо!

Почти сразу молчавшие до этого отец с матерью зажали ему рот, не давая продолжать. Лин Син слегка улыбнулся, вид у него был кроткий и мирный, но слова могли довести Фан Сюся до белого каления:

— Вот видишь, ещё ничего не сделали, а он уже признался. Все присутствующие это слышали, верно? А если потом кто-то станет делать вид, что ничего не знает, это ведь тоже повод для пыток.

У всех, кроме семьи Шэнь, в голове мелькнула одна мысль: лучше бы они ничего не слышали. Им совсем не хотелось это слышать.

Фан Сюся, с трудом удерживая упрямство, процедила:

— Можно подумать по одному твоему слову в ямене сразу начнут пытаться?!

— Я готов поставить на кон свою жизнь и лично дать уездному судье клятву, — спокойно ответил Лин Син, — подписать договор о жизни и смерти, лишь бы докопаться до истины. Если выяснится, что они невиновны, я отвечу собственной жизнью. А ты осмелишься поставить свою жизнь и заявить, что всё сказанное мной - ложь?

Слова Лин Сина так потрясли Фан Сюся, что она не осмелилась больше ничего сказать. Да он что, сумасшедший? Даже жизнью готов пожертвовать?

Семья Шэнь, оправившись от изумления, почувствовала, как в груди разливается тепло. Шэнь Чэншань, как глава семьи, тут же шагнул вперёд, заслоняя Лин Сина собой:

— Мы, семья Шэнь, живём в деревне Сяо Лю уже больше десяти лет и ни с кем не ссорились, ни с одной семьёй не враждовали. Сегодня старшая невестка моего покойного сына и мой младший сын натерпелись такого унижения. Пусть даже ценой этой старой жизни я всё равно добьюсь для них справедливости.

Сюй Юфан, Шэнь Гуй и Цао Маньюэ тоже один за другим высказались - смысл был один и тот же: даже если придётся умереть, они всё равно будут добиваться правды.

Семьи, пришедшие вместе с Фан, сразу же начали отступать. Изначально они явились лишь из желания угодить дому Фан. Дело ведь с самого начала было не на их стороне, если дойдёт до ямена, им этого точно не пережить. А семья Шэнь теперь была полна решимости идти до конца. Раньше бы знали - лучше бы вообще не приходили. Тогда можно было бы сделать вид, что ничего не видели и ничего не знают. Кто же мог подумать, что всё зайдёт так далеко? Если бы только тогда они удержали Фан Сюся, заставили её сказать хоть на пару слов меньше...

Эх. Лучше не думать. Чем больше думаешь, тем сильнее жалеешь.

Фан Сюся на какое-то время совсем растерялась. В голове у неё было лишь одно - любой ценой заставить семью Шэнь отказаться от этой затеи.

— Посмеете подать в ямен, верите или нет, но зерновая лавка больше не будет принимать у вас урожай! Я сделаю так, что вам в деревне Сяо Лю не выжить!

Лин Син уже собирался возразить, как вдруг раздался спокойный, гулкий и властный голос:

— Кому это ты не дашь жить в деревне Сяо Лю? Скажи-ка это при мне, при старосте.

Староста пришёл.

Толпа расступилась, и Лин Син увидел незнакомого мужчину средних лет: волосы у него были наполовину седые, но телосложение крепкое, голос - звонкий и полный силы. Рядом с ним стоял знакомый человек - Се Цинъя, которого Лин Син видел всего лишь днём ранее.

Пока староста разговаривал с Ван Сюся, Се Цинъя тихо подошёл к Шэнь Чэншаню.

— Я увидел, как Ван Сюся привела к вам целую толпу и шла с явным дурным намерением. Испугался, что может случиться беда, и потому пошёл звать старосту.

Шэнь Чэншань был по-настоящему благодарен. У семьи Ван был влиятельный зять, из-за которого даже староста вынужден был оказывать им уважение. К тому же жили они неподалёку, при таком шуме невозможно было, чтобы происходящее ускользнуло от глаз старосты деревни. Сначала староста не появлялся - этим он ясно дал понять, что не собирается вмешиваться.

Теперь же, когда его пригласил Ван-фулан, чтобы рассудить дело по справедливости, выходило, что семья Шэнь оказалась у Ван-фулана в долгу.

Увидев старосту, Ван Сюся не только не поухнула, а наоборот, стала ещё наглее.

— Даже если староста пришёл, это ничего не изменит...

— Помолчи-ка лучше, Ван Сюся, — с явным раздражением перебил её староста Чжу Жушань.
— Ты, значит, разузнала, что Шэнь-эрлан ушёл глубоко в горы ставить ловушки и его нет дома, вот и привела сюда толпу, чтобы безнаказанно поиздеваться над семьёй Шэнь? Ты бы головой подумала. Шэнь-эрлан не пропал и не умер, он просто ушёл в горы. Что ты этим шумом хотела добиться? Думаешь, дальше жить не придётся, вот и решила прожить одним днём? Его кулаки способны забить насмерть взрослого дикого кабана. Я бы хотел посмотреть, Ван Сюся, сколько ударов ты выдержишь, и сможешь ли продержаться дольше, чем тот кабан.

При мысли о Шэнь Хуэе лицо Ван Сюся побледнело. Тот человек был по-настоящему свиреп. Не то что кабанов, даже огромных питонов он не раз сам нёс в город. Каждый раз, завидев его, она едва удерживалась на ногах - колени подкашивались, в глазах темнело от ужаса. До жути страшный человек.

— Он... он, конечно, силен, но я просто не приму их зерно... — пробормотала она.

Се Цинъя мягко кашлянул. Услышав этот звук, Чжу Жушань нахмурился и с явным недовольством жёстко одёрнул Ван Сюся:

— Ваш род Фан, опираясь на зятя с зерновой лавкой, уже немало выгоды вытянул из нашей деревни Сяо Лю. Разве не так? Какая семья не заискивала перед вами, какие мелкие и крупные выгоды не утекали именно к вам?

— Я всё-таки староста, — продолжил он холодно. — И я хочу своими глазами увидеть, осмелится ли та зерновая лавка действительно отказаться от зерна целой деревни. А заодно посмотрим, выдержит ли твой муж-управляющий гнев хозяина лавки.

Фан Сюся умела считать. Отказаться от зерна одной семьи - для зерновой лавки пустяк. Но целая деревня, да ещё и Сяо Лю, большая смешанная деревня почти на сотню дворов... Если лавка откажется от такого объёма, её мужу недолго останется быть управляющим.

— Я... я ведь сказала, что не приму только зерно семьи Шэнь... — её голос заметно понизился.

Чжу Жушань холодно фыркнул. Он и сам понял: видно, он слишком долго был мягок с домом Фан, вот они и возомнили о себе лишнее. Даже те, кто всего лишь вернулся в родительский дом, уже смеют топтаться у него на голове и бросаться словами вроде «да хоть староста придёт, всё равно бесполезно».

Сейчас посмотрим, бесполезен ли он.

— Откажетесь от зерна семьи Шэнь - значит, откажетесь от зерна всей деревни Сяо Лю. Я не верю, что урожай почти ста дворов нашей деревни не найдёт ни одной зерновой лавки, готовой его купить.

Ради мелкой выгоды нескольких семей ни одна лавка не станет нарушать негласные правила. Но зерно почти сотни дворов - это уже совсем другой разговор. Такой барыш заставит пошевелиться любую лавку. Ни один торговец не пройдёт мимо серебра, валяющегося под ногами.

Чжу Жушань смотрел, как лицо Фан Сюся меняется раз за разом, и понимал: она испугалась, стала осторожничать.

— Староста, — с мрачным выражением спросила она, — вы нарочно встаёте на сторону семьи Шэнь?

Чжу Жушань фыркнул:

— Я помогаю тебе не умереть от одного удара Шэнь Хуэя, когда тот спустится с гор.

Если продолжать в том же духе, Шэнь Хуэй и впрямь способен за одну ночь разнести дом Фан до основания.

Фан Сюся изначально рассчитывала проверить всё быстро: пока Шэнь Хуэя нет, либо заполучить на руки купчую на землю, либо выбить из семьи Шэнь долговую расписку с печатью и подписью. Тогда, даже если Шэнь Хуэй вернётся с гор, уже будет поздно - доказательства у неё в руках. Кто же знал, что Шэнь Лай вдруг закричит про обращение к властям, а этот пришлый гер для «счастливого брака» тоже начнёт твердить про суд и чиновников.

И уж тем более она не ожидала, что явится староста.

Но если по-честному, виноваты были её собственные дети: второй, этот паршивец, не сказал ей ни слова про метку, а третий и вовсе заранее не упомянул, что вырубил того вдовца-фулана ударом. Вот и вышло, что теперь её держат за горло, и шагу не ступить свободно.

Фан Сюся злилась-злилась, а потом вдруг прищурилась, и в глазах мелькнула мысль.

— Ладно, я могу сделать шаг назад ради старосты, — сказала она. — А семья Шэнь? Это ведь они орут, что хоть жизнью заплатят, но всё равно пойдут жаловаться властям.

Обращение в суд - дело серьёзное. Оно бьёт не только по нескольким семьям Фан, но и по самому старосте. Если в деревне слишком часто бегают к чиновникам с жалобами, значит, староста плохо управляет. А уездное управление вполне может взять да и сменить его.

Разумеется, нового старосту тоже выберут из жителей деревни.

В душе Чжу Жушань был удивлён, но виду не подал. Хорошо ещё, что он пришёл сам, иначе семья Шэнь уже стояла бы у ворот управы, а он узнал бы обо всём последним.

— Брат Шэнь, — сказал он примирительно, — окажи мне услугу: давайте уладим это дело между собой, по-тихому, без суда.

Дальнейшие слова Лин Син уже не слушал. Если есть возможность решить всё без обращения к властям, то в нынешние времена для Сяо У это лучший исход. Сейчас не то что в прошлые века: женщинам и герам не позволено жить отдельно, вести собственное хозяйство. И уж тем более они не могут долго оставаться в родительском доме. Когда родителей не станет, братья не смогут заботиться о них всю жизнь.

Лин Син это понимал. Даже если старшие братья из семьи Шэнь сколько угодно будут клясться, что присмотрят за Сяо У, старики всё равно не смогут быть спокойны. У каждого свой дом, своя семья. Откуда возьмётся лишнее время и силы, чтобы постоянно заботиться о ком-то ещё? Поначалу, может, и будет ладно, но что потом? Такие вещи нельзя гарантировать. А когда речь идёт о ребёнке, родители не смеют рисковать.

Если не считать неожиданностей, семья Шэнь в итоге всё-таки выбрала мирное

урегулирование. Были выдвинуты следующие условия: во-первых, все причастные семьи обязаны публично извиниться и дать письменное обязательство впредь не поднимать руку ни на одного из членов семьи Шэнь. Детям также строго запрещалось бить или оскорблять Шэнь Лая.

Во-вторых, семья Фан должна выплатить пять лян серебра в качестве компенсации Шэнь Лаю за то, что Чжао-эрбао сорвал с него повязку и тем самым обнажил метку.

В-третьих, за то, что Чжао Саньцай толкнул Лин Сина, отчего тот потерял сознание, и за необходимость лечения у деревенского лекаря, семья Фан выплачивала два лян серебра на врачей и лекарства. Врач из соседней деревни уже осматривал Лин Сина и прямо сказал, что тому нужно беречься и долго восстанавливаться.

Остальные семьи также должны были выплатить Шэнь Лаю по пятьсот медных монет каждая. Это была сумма, которую они могли собрать, лишь полностью опустошив свои запасы. В отличие от семьи Фан, они вовсе не были зажиточными. В деревне смешанных родов, насчитывающей почти сотню дворов, семей, способных за год накопить десять лян серебра, было не больше пяти.

После того как суммы компенсаций были согласованы, все стороны должны были подписать и скрепить отпечатками пальцев письменное соглашение, в котором отдельно оговаривалось: никто из присутствующих не имеет права распространять сведения о том, что метка фертильности Шэнь Лая была увидена посторонними. В договоре также подробно прописали наказание за разглашение.

По законам государства Юй такие обязательства, если они заверены третьей стороной и скреплены подписями и отпечатками, обладают полной юридической силой. Любая сторона, нарушившая договор, могла быть немедленно привлечена к ответственности - стоило лишь подать жалобу в управу, и дело было бы выиграно без всяких сомнений.

Однако если в договоре прописывались наказания вроде «истребления девяти родов» или «уничтожения нескольких поколений», такие пункты не признавались действительными. В подобных случаях решение выносил уездный магистрат, исходя из степени последствий и общественного вреда. Бывало и так, что до обращения в управу дело вовсе не доходило: родовая община или сама деревня обладали определённым правом на наказание.

Люди во главе с Фан Сюся пришли к дому Шэнь, кипя яростью и самоуверенностью, а уходили, склонив головы и принося извинения. Они разослали людей по домам собирать деньги, решив выплатить всё в тот же вечер, без отсрочек.

Когда двор окончательно опустел, уже стемнело. Се Цинъя сопровождал старосту обратно. Семья Шэнь хотела поблагодарить его, но момент был неподходящий и они решили сделать это днём. После всех этих волнений все в доме Шэнь чувствовали себя измождёнными до предела. Поели, умылись и сразу легли спать.

А в деревне тем временем в нескольких домах раздавался плач и звуки побоев. Пятьсот медных монет - это ведь почти полжизни! За такое нельзя не наказать! И в следующий раз они ни за что не станут вмешиваться в дела семьи Фан: никого не удалось задобрить, а вот пятьсот монет пришлось выложить ни за что ни про что.

Сюй Юфан сразу сказала, что все серебро, выплаченное в возмещение Шэнь Лаю, отложит для него, трогать эти деньги не будет. То, что выплатили Лин Сину, она тоже отдала ему и велела хранить самому. Настроена она была твёрдо, спорить не позволяла. Лин Син принял деньги, убрал их в свой деревянный шкаф, чтобы при случае воспользоваться, и лишь тогда заметил, что на полке лежат пять медных монет. Очевидно, это были те самые пять вэнь, которые он дал Шэнь Лаю на тофу, но Сюй Юфан забрала их и заменила своими.

Ночью Шэнь Лай спал довольно спокойно, почти как всегда. Единственная разница - он несколько раз дёргался, будто бил кулаками, и бормотал сквозь сон пару раз:

- Загрызу тебя...

После этого снова затихал и спал крепче. Лин Син убедился, что с мальчиком всё в порядке, и тоже спокойно уснул.

Луна уже поднялась высоко, когда Шэнь Хуэй, укрытый звёздным небом и продуваемый холодным ветром, наконец вернулся домой. Он двигался бесшумно: быстро ополоснулся холодной водой, а затем, уже по привычке, нашёл в шкафу еду, которую Сюй Юфан оставила для него. Не подогревая, он сразу вылил всё в рот.

— Кто там? — Шэнь Хуэй, держа в руках керамическую чашку, резко окинул взглядом дверной проём.

— Это я, второй брат, — отозвался Шэнь Гуй.

Этой ночью Шэнь Гуй всё ворочался и никак не мог уснуть. Услышав движение во дворе, он догадался, что вернулся второй брат, накинул одежду и в темноте пошёл в кухню.

— Второй брат, сегодня дома случилось большое дело.

Шэнь Гуй добрых полчаса без остановки всё рассказывал и жаловался, а под конец подвёл итог:

— Кто бы мог подумать, что наш Сяо У, хоть и гер, а оказался таким горячим и смелым, с настоящей кровью в жилах. И старшая невестка тоже... ты себе не представляешь, как он держался, когда говорил с Фан Сюся. Спокойно, уверенно, так, что невозможно было ему не поверить. Совсем не такой, как обычно: всегда улыбается, добродушный, а тут будто учёный из знатного дома, начитанный и благородный.

Голос Шэнь Хуэя, как всегда, был холоден:

— Где поранились Сяо У и старшая невестка? И кто приходил устраивать скандал?

Шэнь Гуй тут же, словно взорвавшаяся связка петард, затараторил без остановки: рассказал, где именно пострадал Шэнь Лай, потом, что Лин Синя толкнули и он потерял сознание, а затем, загибая пальцы, поимённо перечислил всех, кто приходил буянить в дом.

Закончив «донос», Шэнь Гуй приподнял бамбуковую крышку большого водяного чана, зачерпнул половину ковша холодной воды и выпил, смочив пересохшее горло. После этого он вернулся в комнату, улёгся и с чувством полного удовлетворения уснул.

На следующее утро все, кто накануне приходил в дом Шэнь скандалить, оказались брошенными у собственных ворот, распластавшись на земле. У всех были одинаковые, ни тяжёлые, ни лёгкие побои: синяки на лице и теле, а затылки ломило от боли. И думать долго не приходилось, чтобы понять, чьих это рук дело. Только Шэнь Хуэй, тот самый живой демон из семьи Шэнь, был способен бесшумно вырубить людей и подбросить их к воротам, оставив валяться на всю ночь.

А в это время Шэнь Хуэй и Лин Син уже открыли свой прилавок в городе.

<http://bllate.org/book/13938/1272677>